

го транспорта, куда выпускников Красноярского речного училища принимают без экзаменов, а срок обучения сокращен до 4 лет.

Более 70 % командного состава Енисейского флота – воспитанники Красноярского командного училища [3, 6]. Многие выпускники занимают ответственные посты в управлении и на предприятиях Енисейского пароходства.

Сложилась многоступенчатая система подготовки кадров: выбор специальности и адаптация – детское пароходство, подготовка специалистов среднего звена – речное училище, получение высшего образования и диплома инженера – академия водного транспорта. Формула «от юнги – до капитана или механика на флоте» позволяет молодым людям избежать ошибки при выборе профессии и предлагает наиболее короткий путь к ее вершинам, а Енисейское речное пароходство имеет постоянный приток грамотных, высококвалифицированных специалистов.

Литература

1. Ахтамов Е.А. Состояние Енисейского речного пароходства в 90-е гг. XX в. // Духовно-исторические чтения: материалы регион. науч.-практической конф. Красноярск-Шира, 25 июня - 2июля, 2011 г. Красноярск, 2011. Вып.16. С. 262-266.

2. Ахтамов Е.А., Кудашкин В.А. Приватизация Енисейского речного пароходства в первой половине 1990-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. ст. Тамбов, 2012. № 7. С. 29-31.

3. Ахтамов Е.А., Северьянов М.Д. Предприятия речной отрасли во второй половине 90-х гг. XX в. (по материалам Енисейского речного пароходства) // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: материалы III междунар. науч.-практической конф. Красноярск, 2012. С. 6-9.

4. Булава И. Дом на якорях // Речник Енисея. 2010. № 25. С. 2-45. Иванов С. Профессиональному училищу речников – 90 лет // Там же. 2011. № 7. С.2.

5. Иванов С. Профессиональному училищу речников – 90 лет // Там же. 2011. № 7. С.2.

6. Ковалев В. Шаги к реке // Там же. 1991. № 38. С. 2-3.

УДК 373(091), 37.014.5

ШКОЛЫ ВЕДОМСТВА ПРАВОСЛАВНОГО ИСПОВЕДАНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ (1884-1917 гг.): ОПЫТ РАБОТЫ ШКОЛЬНЫХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ

*Н.Н. Наумова, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

В статье освещается опыт работы школьных попечительств и деятельности отдельных попечителей-энтузиастов в системе школ духовного ведомства на территории Енисейской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв., очерчиваются их права и обязанности, анализируются недочеты в работе и ошибки в организации системы попечительств.

Ключевые слова: школа духовного ведомства, попечитель, церковно-школьное попечительство, Енисейская епархия.

Современная сибирская школа работает в условиях постоянного недостатка материальных средств. Одной из самых популярных современных идей является создание школьных попечительских комитетов, которые должны частично решить эту проблему. Обобщению опыта работы подобных структур в системе начального образования, функционировавшего под эгидой ведомства православного исповедания (далее – ВПИ), посвящена настоящая работа, написанная по материалам региональной церковной периодики.

Система церковноприходских школ была официально признана в 1884 г. по инициативе правительства. Эта мера стала одной из важнейших в ряду консервативно-охранительных мероприятий, направленных на защиту существовавшего монархического строя от возможных революционных потрясений: «Церковною и государственною властью признано, что вера православная в русском народе все слабеет и слабеет, добрые нравы христианские все падают и падают, безнравственность и преступления всякого рода все множатся и множатся, а через это все больше и больше разрушаются и мирный быт семейный, и благополучие общественное, и порядок и спокойствие государственное» [1, 1888, № 19, с. 283]. Церковноприходская школа замышлялась как место, где народ воспитывался бы в духе православного вероучения и христианской нравственности, и уже во вторую очередь – как образовательное учреждение. Само усвоение знаний должно было подчиняться двум задачам: получение практических знаний, необходимых в реальной жизни, и возможность более подробно изучать основы православия, нравственно совершенствоваться, укрепляться в любви к родине и монархии.

Доход церковно-приходских школ складывался из двух частей – государственные дотации, распределявшиеся Синодальным училищным советом, и «местные» средства содержания, которых насчитывалось 7-10 видов. Многообразие источников субсидирования обуславли-

вало нестабильность и нерегулярность поступления средств. На протяжении практически всего существования церковноприходские школы и школы грамотности работали в условиях хронического недофинансирования. Это обуславливало постоянное отставание школ духовного ведомства от начальных училищ Министерства народного просвещения по оснащению и качеству педагогического состава.

Роль населения в работе школ духовного ведомства была намного существеннее, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, именно сельский сход назначал размер финансирования школы из местных средств, во-вторых, сами крестьяне определяли тип и ведомственную принадлежность школы, открывающейся в данном селении. Крестьяне обязаны были отапливать и освещать помещение школы, а также избирать из своей среды сторожей и уборщиков здания. Во власти сельского схода были и закрытие существующей церковноприходской школы и замена ее школой иного типа.

Отказ крестьян от открытия и / или содержания школ ВПИ обычно мотивировался бедностью. Однако независимые источники показывают, что причину, скорее всего, были непривычность школ, консерватизм крестьянской среды, непонимание пользы грамотности. В европейской России на рубеже XIX-XX вв. бытовало представление о «сказочно» зажиточных крестьянах Енисейской губернии. Это мнение было небезосновательным: в среднем на одно хозяйство приходилось 3,5 лошади, 3,9 единиц рогатого скота, 10,7 единиц скота в целом [2, с. 23]. По четырем уездам только 20 % хозяйств имели запашку менее 5 десятин, 46 % – от 5 до 15 дес., 34 % – 15 дес. и более. Треть хозяйств, остававшихся без запашки, в основном принадлежала массе подвижного ссыльного населения [2, с. 33].

Вообще крестьянское население Восточной Сибири медленно привыкало к появлению в селениях школ, однако здесь был заметен прогресс. Если в 1880-х гг. в графе опросных бланков «Как относится

население к школе» чаще встречались ответы «индифферентно», «равнодушно», «безучастно», «холодно», то к началу XX века они звучали как «сочувственно», «с любовью и пониманием», «доверчиво», «благородно» [3, с. 80].

В период экономического подъема Сибири (90-е гг. XX века) неуклонно возрастала доля средств, изыскиваемых на местах по приговорам сельских обществ, школьными и приходскими попечительствами и т. д. Так, средства сельских обществ, выделявшиеся на содержание школ духовного ведомства Енисейской епархии, составляли в 1895 г. 15163 руб., в 1896 г. – 16859, в 1897 г. – 18468 руб. [Подсчитано по: 4.]. Школьным попечительствам рекомендовалось изыскивать самые разнообразные способы для обеспечения школ духовного ведомства. Например, приходы могли перенимать опыт средне-русских губерний: реализация школьным попечительством снопа с урожайной копны любого посева, продажа злаков, выращенных на отведенных школьных десятинах силами самих учащихся и т. д. [5, с. 98].

Суммы, поступающие на содержание церковноприходских школ из местных источников, расходовались в основном по усмотрению заведующего – приходского священника. В школах, получавших содержание от сельского общества, взносы попечителей, пожертвования частных лиц, указанные суммы распределялись между учителем и законоучителем, т. е. использовались не по назначению – не на покупку книг, ремонт зданий и т. д. Епархиальным начальством предпринимались неоднократные попытки пресечь подобную практику [6, с. 87].

Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали, с одной стороны, вызвало оживление экономической жизни восточносибирского региона, а с другой, падение уровня жизни населения уездов не только Верхнего и Среднего Приангарья, но и части долины Енисея. До постройки Транссиба сплав по Ангаре и Енисею «павозков» с чаем, идущих с Амура, давал огромные доходы. Много

работников было занято извозом и обслуживанием судов. Целые села жили торговлей и дворничеством (содержанием постоянных дворов) для шедших через Приангарье на Лену «олекмичей», т. е. приисковых рабочих с Олекмы, число которых за год доходило до 5 тысяч [4, л. 7-8]. Теперь подобные промыслы пришли в упадок.

На уменьшение местных сумм, особенно поступлений от попечителей и пожертвований от частных лиц, могли влиять неурожаи, изменение конъюнктуры рынка и т. д. В 1901 г. разразился приисковый кризис на Лене, куда ежегодно перевозилось не менее миллиона пудов зерна. Следствием этого стало разорение многих богатых благотворителей – бусовщиков (поставщиков хлеба), начавших отказываться от должностей попечителей церковноприходских школ [8, с. 243]. Резко ухудшилось положение той части местного населения, которая была занята сплавом, судостроением и судоремонтными работами, извозом, обслуживанием приисков. В период экономического упадка в Сибири после мирового экономического кризиса начала XX в. и Русско-японской войны наблюдалась тенденция к отказу сельских обществ от содержания школ ВПИ. Примечательно, что такие явления наблюдались в наиболее богатых и многолюдных селениях [5, с. 8].

Новая волна открытия школ духовного ведомства началась накануне Первой мировой войны, после издания закона 1913 г. о церковно-школьном строительстве. Обслуживание школы, наем сторожа, покупка дров и прочее должны были оплачиваться из средств, вырученных от продажи хлеба общественной запашки, организуемой, как правило, попечителями. Запашка производилась на школьной или общественной земле самими крестьянами в качестве натуральной повинности [10, с. 7].

Определением Св. Синода от 12.11.1886 г. епархиальным преосвященным было предоставлено право утверждать в звании попечителей не только лиц, учреждавших церковные школы на собственные средст-

ва, но и тех, кто оказывал школам «существенное содействие, материальными на нужды школ пожертвованиями и вообще попечением об их благоустройстве» [11, с. 49]. Архиерей мог также присвоить звание почетного попечителя церковно-приходской школы за «особую ревность в распространении народного просвещения в духе православной церкви», проявленную в рамках целого уезда или благочиннического округа. Первые попечители в Енисейской епархии появились во второй половине 1887 г. Они были преимущественно крестьянами [12, с. 163].

Первый нормативный акт, регламентирующий деятельность попечителей, был утвержден 11.10.1898 г. Попечитель избирался на трехлетний срок заведующим школою или крестьянским обществом, содержащим школу; для его утверждения не требовалась резолюция крестьянского начальника. На это звание могли претендовать лица православного и инославных христианских исповеданий. Профессиональных ограничений не было: попечителями могли становиться даже бывшие кабатчики [13, с. 7]. Подбор попечителей школ ВПИ был довольно сложной процедурой, в ходе которой удостоверялась их политическая благонадежность.

В их обязанности входило устройство школьного помещения и интерната, снабжение учебными принадлежностями, своевременная выдача жалования учителям, надзор за правильным ходом учебного процесса и посещаемостью учащимися школы и церкви. О своих замечаниях попечитель, имевший право присутствовать на занятиях и экзаменах, мог сообщить заведующему школой или уездному наблюдателю. Изыскивая источники дохода, попечитель школы ведомства православного исповедания производил кружечный сбор в местном храме во время богослужения, мог «располагать местное сельское общество к отчислению части доходов от арендных статей; производить сбор добровольных пожертвований деньгами, зерновым хлебом и другими предметами, производить засевы хле-

ба на отведенных в пользование школы участках» [6, с. 422-423].

Наиболее ревностные попечители могли быть представляемы архиереем к почетным наградам. Заслуги попечителей в деле помощи народному образованию были разнообразны: «Одни из них содействовали возможно скорейшему устройству помещений для школ, принимая на себя труд руководства этим нелегким делом; другие, собирая посильные пожертвования, сами жертвовали и других склоняли к тому; одни принимали на себя обязанность обеспечения учащихся, другие исключительно на свой счет строили новые помещения для школ, жертвовали готовые дома; принимали деятельное участие в решении даже самого вопроса об открытии школы и тем оказывали помощь членам причта» [15, с. 103].

Необходимость привлечения попечителей к финансированию церковноприходских школ многократно отмечалась епархиальными наблюдателями. В целом же масштабы помощи благотворителей и попечителей школ никак нельзя назвать внушительными, особенно если проследить динамику изменения величины помощи школам духовного ведомства. Общая сумма годовых взносов попечителей школ ВПИ составляла в 1896 г. 2265 руб., в 1900 г. – 2519 руб., в 1906 г. – 1044 руб., в 1912 г. – 2041 руб. [Подсчитано по: 20, с. 275; 11, с. 157; 17, с. 11].

Рост и падение размера попечительских взносов ярко отражают общие социально-экономические тенденции, характерные для Восточной Сибири в целом: повышение благосостояния населения в начале XX века и его падение после событий 1904-1905 гг. Средний годовой доход начальной школы духовного ведомства в Восточной Сибири составлял в 1889 г. 63 руб., в 1898 г. 86 руб.: на этом этапе помощь попечителей можно считать заметной [здесь и далее в абзаце 4, с. 17; 12, с. 477]. Однако в 1904 г. годовой расход одной школы ВПИ составлял уже 506 руб., в конце 1910-х гг. – не менее 600 руб., поэтому попечительские взносы за 1906 и 1912 гг. выражаются просто смехотвор-

ными суммами (если, конечно, рассматривать взносы в качестве значимой доходной статьи школы).

Попечителями церковноприходских школ часто становились из-за каких-либо льгот, например, послаблений при раскладке сельских или приходских повинностей, избавления от городской службы по выборам и т. п. Большая их часть не несла иных обязанностей, кроме внесения (часто несвоевременного) обязательного взноса в размере 15-25 руб. в год. Так, в 1894 г. из 59 попечителей Енисейской епархии 14 никак не участвовали в жизни школы [16, с. 17]. В 1909 г. из 14 попечителей, приходившихся на 28 школ Енисейского уезда, выплачивали обязательные взносы только четыре [17, л. 4].

Отсутствие стимулов к занятию попечительских должностей привело к неэффективности работы попечителей. Отдельные крупные благотворители были немногочисленны, хотя и вносили огромный вклад в дело народного просвещения. Зачастую посильная помощь попечительств и отдельных попечителей носила нерегулярный, случайный характер; ее размеры зависели от целого ряда причин – неурожаев, войн и т.д. Некоторые школы существовали в большей степени за счет средств попечителей, что не могло продолжаться бесконечно. В целом помощь попечителей и попечительских комитетов, за исключением отдельных случаев, была не слишком значительной. Широкие слои населения и приходское общество не вовлекались в поддержание школ духовного ведомства.

В Енисейской епархии, помимо граждан-попечителей, духовным ведомством в уездных городах были учреждены региональные попечительские комитеты, перед которыми должны были отчитываться приходские школьные попечительства. Такой комитет состоял из председателя – местного протоиерея, священников – уездных наблюдателей за церковными школами и, по возможности, окружных исправников, помощников прокурора, участковых заседателей, старшин волостей как имеющих отношение к сибир-

скому крестьянству. Окружные комитеты обязаны были не только открывать новые школы и материально поддерживать существующие, но и осуществлять административный контроль над их деятельностью, сообщая о своих действиях епархиальному училищному совету. Таким образом, с появлением комитетов с благочинных священников снималась необходимость надзирать за школами, поскольку специальных наблюдателей за приходскими школами в огромной Енисейской губернии не хватало. Первые комитеты были открыты в центрах округов (уездов) – Канске и Минусинске [1, с. 39].

В Восточной Сибири многие храмы имели церковно-приходские попечительства, созданные по закону от 2.08.1864 г., которые были обязаны изыскивать средства на содержание храмов, а также распорядиться имеющимися материальными ресурсами. Первоначально церковно-приходские школы не имели стабильной материальной базы, поэтому были созданы церковно-школьные попечительства, аналогичные церковно-приходским.

Церковно-школьные попечительства располагали не слишком значительными средствами, складывавшимися из разнообразных пожертвований: сборы по подписным листам и книжкам, кружечные церковные доходы. Самой значительной была безвозмездная помощь частных лиц и сельских обществ либо инородных управ: если речь шла о крупных затратах, например, на строительство и оборудование училища, то размер пожертвований доходил до 400-500 руб. [8, с. 74; 5, с. 67.]. Масштабы благотворительной деятельности в пользу церковно-приходских школ зависели как от наличия состоятельных людей в данной местности, так и от способности заведующих школами заинтересовать их школой и расположить к трате средств. С этой целью возникла практика публикаций на страницах местных епархиальных ведомостей сообщений о пожертвованиях.

Церковно-школьные попечительства широкого распространения не получили. Например, в 1914 г. в Минусинском

уезде существовало всего два попечительства на 56 работавших школ ВПИ [19, с. 50].

Часто функции церковно-школьных попечительств брали на себя церковно-приходские попечительства, т. к. не каждый приход мог содержать две дублирующие структуры. Законодательно приходские попечительства имели целью деятельности «попечение о благосостоянии церкви, прихода и причта и изыскания средств для учреждения в приходе школы» [20, с. 188]. С 1896 г. причты были переведены на казенное содержание, ординарные расходы церквей при правильном ведении церковного хозяйства всегда покрывались собранными средствами, поэтому к концу XIX века основной целью церковно-приходских попечительств стала забота о нуждающихся членах прихода и материальное обеспечение церковных школ. Церковно-приходским попечительствам рекомендовалось обращаться с просьбами не к приходскому, а к сельскому или волостному сходу, имеющим реальные полномочия.

Организация церковно-приходского попечительства начиналась с приговора сельского общества о его открытии по инициативе священника. Избранные 3-4 члена и председатель попечительства давали подписки о благонадежности, отсутствии судимости и согласии принять должность согласно §5 «Положения о приходских попечительствах» [21, лл. 1-6]. Приговор рапортом благочинного доводился до сведения архиерея, из духовной консистории высылалась сборная книжка [22, л. 2.]. Обязательными членами попечительства были церковный староста, волостные старшины, местный священник. Наличие организованных попечительств было намного выгоднее, чем существование граждан-попечителей, чей годовой взнос на содержание школы редко достигал 25 руб.

Только один раз причиной открытия церковно-приходского попечительства стала недостаточность в приходе начальных школ. В 1897 году было открыто попечительство при Всехсвятской церкви г.

Красноярска благодаря двум крупным купеческим вкладам, к которым епископом Евфимием и епархиальным училищным советом были присоединены соответственно 1000 руб. и 1150 руб. На эти средства было построено образцовое здание школы на 120 учащихся. Эта уникальная постройка стала возможна только благодаря энергичной деятельности сменявших друг друга председателей попечительства А.И. Иванова, Н.Г. Лямзина, Н.Ф. Кошкова [4, с. 161]. Годовой доход другого богатого Покровского попечительства г. Красноярска составлял 176 руб.; деньги были израсходованы на помощь ученикам [19, с. 5-6]. Однако такое встречалось как исключения. Например, в 1913 г. в Минусинском уезде поступлений на церковно-приходские школы от попечительств не было, в 1914 г. помощь поступила только от Кавказского (108 руб.) и Минусинского (250 руб.) попечительств.

Волнения 1905-1907 гг. обратили внимание духовного ведомства на необходимость активизации приходской деятельности как на средство отвлечения от участия в политической борьбе не только прихожан, но и клира. На страницах епархиальной периодики дебатировались вопросы улучшения и оживления церковно-приходской жизни. Рекомендовалось открытие церковно-приходских советов, братств, собраний, попечительств и иных учреждений ради «возобновления» христианской жизни, укрепления связи духовенства и прихожан, поддержки народного просвещения. Однако повысить интерес прихожан и клира к церковно-школьному делу не удалось из-за страха духовной администрации перед радикальными нововведениями, дававшими широкий простор для деятельности частных лиц в отношении внутренней структуры и работы школ ВПИ.

Как церковно-приходские, так и церковно-школьные попечительства не имели практически никаких прав. На предсоборном присутствии 1905 г. был выработан проект реформы приходского устройства, предусматривавшей расширение прав прихода в отношении внутренней

организации начальных школ. По мысли авторов, это должно было привлечь в церковно-приходские школы дополнительные средства, повысив интерес народа к делу начального просвещения, и, в итоге, отвести реальную опасность секуляризации приходских школ. Избранные попечительским советом блюстители имели бы полномочия контролировать ход учебного дела, сами советы могли бы открывать новые классы, вводить производственное обучение, определять профессиональную пригодность учителей и т. д. [23, с. 1221].

К сожалению, реформы так и остались на бумаге. В июле 1907 г. было опубликовано «Положение о попечительствах при начальных училищах всех наименований», и по этому документу попечительства фактически не получали прав: так, они могли теперь представлять кандидата в учителя, но не могли его утверждать в должности, что обесценивало данное право. Попечительства по-прежнему не могли осуществлять контроль над воспитательно-учебным процессом, преподаванием и т. д.

«Положением о церковно-приходских попечительствах при церковно-приходских школах» от 11.07.1914 г. разрешалось лишь «ближайшее рассмотрение хозяйственных нужд, изыскивание средств на их удовлетворение» и т. д. Верхом дозволенного стало устройство литературно-вокальных вечеров и забота о проезде детей до места обучения. По новому закону попечительство состояло из заведующего школой, попечителя и учителя, нескольких выборных лиц обязательно православного исповедания. Оно должно было представлять годовые отчеты в уездное отделение епархиального училищного совета [22, лл. 43-43 об.]. Приходское общество не привлекалось, а устранялось от участия в жизни школ ведомства православного исповедания.

Делая выводы, следует отметить, что богатый потенциал попечительских организаций не был в полной мере задействован в развитии церковно-приходских школ Восточной Сибири. Причиной это-

го были чрезмерная осторожность и консерватизм духовной власти. Приток независимого капитала в сферу народного просвещения помог бы церковной школе встать на более твердую основу, однако предельно бюрократизированная система духовного ведомства мешала привлечению частной инициативы в область своего безраздельного господства.

Попечитель обязан был заботиться о благоустройстве здания школы, контролировать посещение детьми школы и церкви, способствовать улучшению снабжения учебными принадлежностями, следить за своевременностью выдачи жалования педагогам. Наиболее распространенным видом помощи были пожертвования домов под школьные помещения. Ни отдельные попечители, ни представители церковно-школьных попечительств не могли вводить дополнительные учебные курсы, принимать участие в найме и увольнении учителей, наблюдать за ходом учебно-воспитательного процесса.

Изучение исторического опыта функционирования попечительских структур и учет ошибок в их деятельности являются весьма важными при создании современных школьных попечительств. Одним из условий успеха должно стать реальное влияние попечительств на жизнь и деятельность школы.

Литература

1. Енисейские епархиальные ведомости [газета]. 1888. № 19.
2. Григорьев В.Ю. Одна из главнейших нужд сельского хозяйства. Красноярск: Типо-литография Е. Кудрявцева, 1900. – 43 с.
3. Иркутские епархиальные ведомости [газета]. 1901. № 12..
4. Смета расходов средств сельских общин на нужды народного образования // ГАНИИО: Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1989.
5. Иркутские епархиальные ведомости [газета]. 1895. № 9.

6. Енисейские епархиальные ведомости [газета]. 1891. № 13-14. 7. Докладная записка иркутского генерал-губернатора Л.И. Горемыкина // ГАНИИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2008. 8. Иркутские епархиальные ведомости [газета]. 1902. № 24. 9. Енисейский церковный вестник [газета]. 1907. № 3. 10. Енисейские епархиальные ведомости [газета]. 1914. № 6. 11. Там же. 1887. № 5. 12. Там же. 1887. № 18. 13. Енисейский церковный вестник [газета]. 1908. № 9. 14. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб: Изд-во тов-а «Общественная польза», 1904. – 1093 с.	15. Енисейские епархиальные ведомости [газета]. 1891. № 7. 16. Там же. 1895. № 5. 17. Сводный фонд церковно-приходских школ Енисейского уезда // Архивное агентство Администрации Красноярского края. Ф. 297. Оп. 1. Д. 90. 18. Енисейские епархиальные ведомости [газета]. 1888. № 6. 19. Там же. 1915. № 8. 20. Там же. 1897. № 11. 21. Рапорты благочинных 4-го участка // ГАНИИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12662. 22. Отчеты церковно-приходских школ Иркутского уезда // Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13279. Л. 2. Д. 14010. 23. Церковный вестник [газета]. 1906. № 38.

УДК 908.93/99

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ПЕЧАТИ КРАСНОЯРСКА В 1989-1999 гг.: ОТ АНТИСОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ ДО ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА

*В.В. Никуленков, соискатель
СФУ, Красноярск*

Рассматривается процесс зарождения и развития городской печати Красноярского края в период 1989-1999 гг. Дается классификация СМИ, определяется значение, особенности и принадлежность каждой группы изданий.

Ключевые слова: средства массовой информации, СМИ Красноярского края, политика в отношении СМИ.

Город – единый социокультурный механизм, в систему которого входят, в том числе, и средства массовой коммуникации. Закономерности, по которым развивается городская среда, определяют и характер городской печати. В рассматриваемый нами переломный период городская печать проходила несколько этапов развития, перемена которых связана с изменением социально-политической обстанов-

ки, экономической системы государства и морально-нравственных ценностей.

Зарождение и одновременно пик развития городской печати можно отнести на 1989-1991 годы. Именно тогда были открыты самые крупные городские газеты, которые стали флагманами свободной прессы и независимого перестроечного мышления.

К моменту активного роста политики гласности почти неизменное число го-